

кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

ДИОНИСИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПАСТОРАЛЬНЫХ И МЕЛАНХОЛИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ А. ШИРЯЕВА

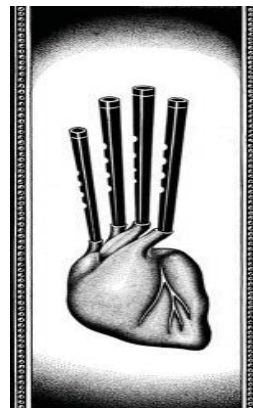
Лирика А. Ширяева уже начинает получать признание. В 2016 году поэт посмертно удостоен премии «Писатель XXI века» за несомненную незаурядность дара и книгу стихов «Случайный ангел». В предисловии к изданию Ю. Степанов отмечает: «Андрей Ширяев – выдающийся поэт, один из ярчайших представителей нашего литературного поколения» [13, с. 5]. Но при этом ширяевская лирика практически еще не исследована. Перспективным представляется рассмотрение проявлений пасторального метасюжета в поэтическом мире современного поэта в русле идей Н. Пахсарьян [10], А. Коробовой [5], Т. Саськовой [11], О. Кришталюк [7], а также меланхолических интенций авторского сознания в их диалоге с культурной традицией с учетом опыта Ж. Старобинского [12] и К. Юханнисон [17]. Актуальность подхода обусловлена как возрастающим интересом к феноменам пасторальности и меланхолии, так и вниманием филологической мысли к изучению современной лирики. Цель статьи – на материале стихотворения Андрея Ширяева «Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...» проанализировать дионисийский контекст проявления пасторальных мотивов.

В стихотворении «Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...» современный поэт Андрей Ширяев актуализирует меланхолические коннотации в интерпретации пасторального сюжета, ставшего для поэта моделью познания лирическим «я» себя, своей жизненной и музыкальной темы.

*Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре,
Звучащие легко в каком-то октябре,
Щебечут так, что ей покажется: над морем
Звонит её вино в высоком серебре.*

*И прятная тоска, и пьяная черешня
Растает на губах, как нежная сестра.
А пальцы у неё тонки и безутешны,
И ночь её длинна – дожить бы до утра.*

*Дожить бы. А пока – вторая флейта стонет
И тонет в темноте, и падает рука
Навстречу облакам, и женщина в ладонях,
Как скрипочка, легка [16].*

*Иллюстрация
Виктора Яковлева
к стихотворению
А. Ширяева*

В начале стихотворения тема четырех флейт задает отсылку к смысловым доминантам «Времен года», обыгрывая мотив четырех периодов жизни в их символическом значении и тему бытия как музыкальной мистерии. Такую трактовку подкрепляет и иллюстрация к стихотворению, выполненная Виктором Яковлевым, где четырьмя флейтами изображены клапаны сердца, образуя подобие волынки. Моделируемый в тексте концерт включает «скрипочку в миноре», видимо, подразумевая тоскующую душу и открывая широкий смысловой потенциал для интерпретаций ширяевского стихотворения.

Взгляд на музыкальные инструменты, когда «точкой отсчета является человеческое тело» [15, с. 33], неизменно активизирует мифологический потенциал. По замечанию Т. Цивьян, «музыкальные инструменты, с одной стороны, оказываются тесно связанными с вещным миром <...>, а с другой – входят в область сакрального, являясь областью ритуала» [15, с. 30]. Авторский миф А. Ширяева строится на мифологемах, связанных с музыкальностью, приобретающей некий мистериальный характер, активизируя мотив метаморфозы, обозначающей смену различных экзистенциалов. Возникающий звуковой рисунок, обусловленный доминантами лирического сюжета, отражает балансирование между пасторальной умиротворенностью и погружением в меланхолию.

Пасторальность как особенность мироощущения значительно шире жанра пасторали. По словам А. Коробовой, «наряду с собственно жанровой ипостасью пастораль продолжает существовать и как <...> некая «распредмеченная» жанровость, <...> особое качество художественной выразительности, сформировавшееся на основе конкретного жанра, <...> и как «наджанровое» явление» [5, с. 116]. Пасторальность соотносится с определенными музыкальными кодами, мифологемами, тематикой, топикой, мотивами и подтекстами. Они образуют своего рода **пасторальный метасюжет**, активизирующийся при наличии вышеперечисленных факторов. Мотивные составляющие пасторального сюжета могут включать миф о Дафнисе как вариации вергилиевского текста. Так, Т. Саськова отмечает, что «у Вергилия в заключительной эклоге «Буколик», осуществляется синтез

всех ведущих мотивов (природы, любви, искусства, бессмертия), а вместе с этим – и всех культурно-мифологических ипостасей Дафниса (певца, возлюбленного, божества растительности), сошедшихся в пастушеском мифе» [11, с. 48]. Пасторальный сюжет А. Ширяева соответствует вполне традиционным темам и мотивам, но главным образом обыгрывает их как своего рода дионисийскую мистерию. Пастушеская роль прямо в тексте не проявляется, разве что на уровне метафоры певца, умеющего завораживать своей игрой подобно Орфею и Давиду.

Другой (не менее важной) доминантой пасторальности становится ее возможная связь не только с идиллией и представлениями о земном рае, но и со смысловыми потенциалами меланхолии. Как отмечает Н. Пахарьян, группой французских ученых были выявлены «трагические, драматические потенции пасторальной тематики» [10, с. 3]. Одним из вариантов трагического модуса пасторальности рассматривается меланхолия. Именно «пасторальная меланхолия становится важным моментом рефлексии одновременно над любовным чувством и над социальным положением» [10, с. 5]. Этот смысловой комплекс, помимо барокко и романтизма, наиболее востребован в культуре XX века, а в случае А. Ширяева унаследован лирикой начала XXI столетия. Варьирование на уровне лирического сюжета ширяевского стихотворения пасторальности и меланхоличности с соответствующими им любовной тематикой и трагичностью обыгрывает проявления дионисийского начала, предстающего в различных масках, в ряде случаев то сближаясь с аполлонической ипостасью, то вполне традиционно ей противопоставляясь.

Показательна близость меланхоличности дионисийскому началу. К. Юханнисон, осмысляя культурологические аспекты меланхолии, выделяет ряд черт, характеризующих данный феномен. С точки зрения исследовательницы, меланхолия, неизменно обозначая страдание, имеет пограничный характер и предстает как «сумма настроений и состояний» [17, с. 20], а в качестве явления культуры «высвечивает отношения между личностью и окружающим миром» [17, с. 26]. Культ Диониса также требует балансирования между экстазом и меланхолической печалью, даже отчаянием, активизируя эротический потенциал, подвижность и трансформации сознания, преодолевающего границы обычной телесности, обретая, таким образом, бессмертие. Для ширяевского стихотворения подобный дионисийский контекст может стать интерпретацией диалога пасторальных, эротических и меланхолических кодов. По замечанию В. Михайлина, «неразрывное в древнегреческом восприятии единство поэзии и музыки подается в «немой» вазописи либо через пляску (с обилием дионисийских коннотаций), либо через изображение музыкантов и музыкальных инструментов (с обилием коннотаций эротических)» [8, с. 283]. Пасторальность апеллирует к дионисийским музыкальным инструментам: свирели и флейте. По замечанию культуролога В. Давыдовой, специализирующейся на изучении семиотического аспекта флейты, именно этот музыкальный инструмент стал «выразителем пасторальной идиллии», сохранив «до сегодняшнего времени свою связь с топикой любви как одной из форм воплощения светлого и положительного начала» [3]. В ширяевском стихотворении обозначены «4 флейты в ряд», которые образуют некое космогоническое единство, повторяя конфигурацию свирели Пана, что усиливает скрытые пастушеские коннотации, активизируя потенциал для реализации современным поэтом пасторального метасюжета.

Флейта, будучи символом «сакрализованной вертикальности мира, восходящего движения» [14, с. 440], представляла и непредсказуемость последствий музыкальной суггестии в противоположность гармонизации. Тема флейт задает аспект дионисийской эмблематики, сокрытый в подтексте стихотворения современного поэта, ведь мифологически флейта соотносима с музыкальным сопровождением дионисийского культа. По наблюдению К. Кереньи, «при перечислении мелодий, исполняемых на флейтах, среди различных жалобных песен встречается и давящая песня для флейты. <...> Жалобная песня, <...>, ведь речь шла о разрывании божества на части» [4, с. 58–59]. Флейта на уровне мифологических пластов становится знаком дионисийского начала, связывая воедино темы растерзания, возрождения и экстаза.

Минорная тональность («скрипочка в миноре») задает развитию лирического сюжета явно меланхолические параметры. А. Ширяев открыто манифестирует темы самопознания поэта, экстатического переживания вдохновения, страстей и любовного томления. Здесь проявляется особенность, отмеченная Ж. Старобинским как «привязанность к прошлому, которым уже невозможно овладеть, <...> один из самых великолепных примеров превращения влюбленного состояния в состояние меланхолическое» [12, с. 477]. Тема безвозвратно утраченного (будь то прошлое, полнота бытия, любовное чувство или же непосредственно сам объект страсти) стимулирует включение в текст мотива оплакивания, обыгрывая на уровне подтекста меланхолическую интерпретацию пасторального метасюжета. В данном контексте минорность и ощущение страдания («А пальцы у неё тонки и безутешны») становятся не только кодами напряженной игры музыканта, но позволяют с помощью музыкальных метафор семиотизировать переживаемые автором и его поэтическими двойниками страсти.

Меланхолия может связываться с определенными локусами и топосами, соответствующими ощущению заброшенности, одиночества, печали, разрушения, увядания, таинственности. В данном контексте временем года, соотносимым с меланхолическим модусом, несомненно, будет именно осень. Характерно, что из времен года автором избрана в качестве темпоральной маркировки середина осени («звучащие легко в каком-то октябре»), соответствуя зрелости и минорности обыгрываемой мелодии. Музыкальные решения тематики времен года являются кодами пасторальности. По замечанию О. Кристалюк, «пастораль становится темой для инструментального, камерно-вокального, инструментально-хорового творчества (цикл концертов «Времена года» А. Вивальди, оратория «Времена года» Й. Гайдна)» [7, с. 90]. Современный поэт активизирует в своем стихотворении пасторальные коннотации, противопоставляя прямо названную осень («в каком-то октябре») аллюзивно обозначенному лету («пьяная черешня») как эмблематические времена печали и блаженства. Согласно поэтическому замыслу

А. Ширяева, преобразование человеческого бытия в виде возникающего музыкального концерта превращает тело и душу в инструменты, порождающие музыку и в этом обретающие свой высший удел.

Тема октября становится знаком середины жизни – обретением зрелости. Знаменательно, что жизнь Андрея Ширяева, согласно его решению, также оборвалась в октябре. Некоторые критики считают, что это можно расценивать как проявление известного феномена – предвидения поэтами своей смерти. Так или иначе, но очевидно, что для А. Ширяева по какой-то причине октябрь – месяц знаковый.

В плане акцентирования меланхоличности показательно и темпоральное упоминание. Октябрь – время сбора винограда, этот месяц также связан с темой Диониса. По утверждению К. Кереньи, «в Фалере, в прежние времена основной гавани Афин, Диониса чествовали довольно замысловатым способом. <...> Происходило это в начале месяца пианопсиона (приблизительно наш октябрь (курсив наш – С. Ф.)), который согласно аттическому календарю считался месяцем сбора винограда» [4, с. 101–102]. Дионисийское мироощущение связано в целом с тональностью ширяевского лирического послания и в плане его меланхоличности и экзатичности, и в варьировании пасторального сюжета с элементами перерождения и самопознания. Упоминание октября в ширяевском тексте соотносимо как с античными дионисийскими мистериями и соответствующими мифологемами, так и с особым восприятием бытия и человека в мире.

Характерно, что тема времен года также этимологически связана с мифом о Дионисе – умирающем и воскресающем божестве. По наблюдению Г. Варакиной, генеалогию Диониса и специфику дионисийского духа определяют, прежде всего, «экзатическое безумство и бессмертие души» [1, с. 14], а «отголоски будущего дионисийского экстаза» заметны «уже в древнейшем культе, связанном с магическим воздействием на плодородие земли» [1, с. 14]. Представление об амбивалентном и непредсказуемом дионисийском духе на уровне подтекста стихотворения задает идею внутреннего преобразования, болезненного и отрадного одновременно. Лирический герой в мифе А. Ширяева – его поэтический двойник. Подобно меняющемуся, страдающему и опьяняющему Дионису он переживает превращение своей жизни на телесном и духовном уровне в музыкальное звучание, подразумевая предназначение поэта.

По мнению Т. Саськовой, «контрастно соотнесенные природные циклы, времена года сливаются с психологическими переживаниями» [11, с. 42] и задают особое развитие пасторальному лирическому сюжету. Такой эмоциональный фон мифологического противопоставления лета и осени как оппозиционных доминант рассвета жизненных сил и угасания, активизируя образы античных умирающих и воскресающих божеств, обуславливает «взаимопроникновение природно-объективного и эмоционально-субъективного», обеспечивая «динамическую целостность» [11, с. 42]. В ширяевском поэтическом тексте звон музыки, оборачивающийся вином «в серебре», возносится и очаровывает, означая полет и воспарение. Такой аспект темы пробуждает ряд различных образов: Афродиты, рождающейся из морской пены; птиц, осенью летящих на юг (*щебечут, над морем*); шхуны, отправившейся в плаванье по морю (вариация бодлеровского «Плаванья» и «Пьяного корабля» А. Рембо); чаши Грааля, на поиски которой отправлялись средневековые рыцари.

Смена лета (времени блаженства) октябрём актуализирует как смысловые горизонты меланхолии, так и обыгрывает на уровне подтекста мифологему сюжета о Дафнисе и Хлое. Напомним, согласно мифологическим представлениям Дафнис – изобретатель буколической поэзии, которого «единокровный брат Пан научил играть на свирели и петь пастушеские песни» [9, с. 175]. При этом Дафнис, аналогично Дионису, – божество, связанное с природными культурами и идеей умирания и возрождения. В мифе о Дафнисе изначально сокрыт меланхолический потенциал, ведь за неверность в любви он был наказан и «раздираемый печалью, блуждал <...> по острову, пытаясь утешить себя музыкой и пением, но потом бросился со скалы в море» [9, с. 175]. Радости любви и даже возможная неверность Дафниса или же страдания от утраты взаимности в тексте современного поэта явлены взаимоотношениями с некой возлюбленной, чей мерцающий образ предстает то желанной женщиной, то своей собственной душой, то мифологической Психеей, то музой.

Чары музыки преобразуют мир вокруг, и причащение тоской и опьянением оборачивается радостью и упоением лета («*И пряная тоска, и пьяная черешня / Растает на губах, как нежная сестра*»). «Пьяная черешня» становится заменой запретного плода из Эдемского сада, тайной познания, желаний, наслаждения и чаяний, отрадой любви и сосредоточием жизненных сил. Образ тающей на губах ягоды – своего рода эвфемизм поцелуя как эротического, так и божественного, он обладает одновременно дионисийским оттенком («пьяная»), но не лишен и аполлонических коннотаций («нежная сестра»).

Своеобразные дионисийские коды меланхолии можно заметить в представлении о том, что данный феномен связывается с символическим умиранием и преобразенным воскрешением. По замечанию К. Юханнисон, «некоторые черты меланхолии считались особым даром (ясновидение и экстаз), другие назывались грехом, и их пытались исправить (тоска и безразличие)...» [17, с. 263–264]. Показательно, что меланхолия, подобно инспирации, достигаемой с помощью экзатических озарений, присущих дионисийскому культу, в культурологической рецепции соотносилась с обретением пророческих способностей и в то же время некой роковой отчужденности – следствием пограничности сознания. В определенном смысле закономерно, что радости приобщения к любви и природе, соответствующие канону пасторали, потенциально подразумевает трагический аспект решения пасторально-музыкальной темы. Этимологическая укорененность пасторали в традиции дионисийских мистерий с обыгрыванием соответствующих мифологем и мотивов задает пасторальному метасюжету связь не только с мотивом отчаянья от неразделенной любви, но и с темами обретения провидения, ощущения растерзанности, с прохождением метаморфоз. Образ «нежной сестры» также пробуждает ряд ассоциаций, проявляясь

в ширяевском тексте в качестве мифологем Хлои, музы и Психеи-души. Именно меланхолический модус ширяевского пасторального сюжета, помимо дионисийских и дафнисских мифологем, актуализирует в преображенном виде миф о Психее в образе скрипки-души, погружающейся в темноту и ночь («и тонет в темноте»), но при этом под влиянием музыки способной к воспарению.

По замечанию Ю. Котариди, «мотив крыльев Психеи, волочащихся за нею в пыли, вероятно, восходит к платоновскому представлению о крылатой душе («Федр»), стремящейся к прекрасному, но все-таки обреченной соприкоснуться с материальным» [6, с. 43]. Ширяевский образ возлюбленной-Психеи, превращающейся в ходе мистериального концерта в «скрипочку в миноре», также обыгрывает тему испытаний, которые Психея должна пройти («И ночь её длинна – дожить бы до утра»), прежде чем станет способна достигнуть совершенства.

В данном случае показателен опыт Р. Войтеховича в описании традиционно-культурных и ассоциативных валентностей образа Психеи (некоторые из них отрефлексированы в творчестве М. Цветаевой). Обозначенные валентности в определенной степени соответствуют и ширяевской интерпретации образа Психеи-души: «идеал красоты и спутница Эроса <...> может соотноситься с «небесной» Афродитой Уранией»; потенциальное сближение с нимфой и Ариадной; «аналогия Психея – Муза, <...> существо, инспирирующее творческий восторг»; «Психея – душа, спускающаяся в Аид / возносящаяся в Элизиум, умирающая и воскресающая героиня» [2, с. 33]. В ширяевском лирическом сюжете принципиальна множественность идентификации мерцающего женского образа: жизнь, душа лирического «я», муза, спутницы Диониса: неистовствующая вакханка и его избранница Ариадна, до этого пережившая ощущения горечи и покинутости на острове Наксос; сестра – то есть духовный двойник, возлюбленная, скрипка.

Мытарства Психеи, как и страдания покинутых Хлои или же Ариадны, в стихотворении современного поэта трансформируются, видоизменяя традиционный пасторальный метасюжет. Так, женскому альтер-эго лирического героя приписывается вдовство и ощущение осиротелости с соответствующей безутешностью и оплакиванием некой утраты («А пальцы у неё тонки и безутешны, / И ночь её длинна – дожить бы до утра»). В то же время эмоциональный фон, переживаемый женской ипостасью, оказывается близок к экстазу и должному последовать за ним катарсису. Эротические коды ширяевского текста соотносятся с темой близости и заморозенности («...женщина в ладонях, / Как скрипочка, легка»), выполняя функцию жизнеутверждающего начала, которое следует за дионисийскими темами растерзанности и жертвенности.

На основании проведенного анализа можно заключить, что пасторальный метасюжет для современного поэта Андрея Ширяева стал своего рода «зеркалом» меланхолии, самопознания, преображения и дионисийского экстаза, отражая тему жизни поэта как воображаемого мистериального концерта.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане изучения в лирике А. Ширяева авторской интерпретации аполлонического и дионисийского.

Литература:

1. Варакина Г. Между Дионисом и Аполлоном: Очерки о русской культуре «серебряного века» / Г. Варакина. – Рязань, 2007. – 221 с.
2. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность / Р. Войтехович. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 448 с.
3. Давыдова В. Образ флейты: поэтические вариации / В. Давыдова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zvukinadezdy.ucoz.ru/publ/stati/publicistika/obraz_flejty_poeticheskie_variacii_viktorija_davydova/23-1-0-184.
4. Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / К. Кереньи; пер. с нем. – М.: Ладомир, 2007. – 319 с.
5. Коробова А. «Современный человек»: что ему пастораль? Что он пасторали? / А. Коробова // Творческие стратегии в современной музыкальной науке. Уральская музыковедческая школа. – Прага: World Press, 2014. – С. 113–131.
6. Котариди Ю. Лики Психеи в литературе западноевропейского романтизма / Ю. Котариди // Мифологические образы в литературе и искусстве. – М.: Индрик, 2015. – С. 36–45.
7. Кристалюк О. Что скрывает пастораль, или размышления об историко-стилевых метаморфозах / О. Кристалюк // Профессиональное музыкальное искусство: отечественные традиции в контексте мировой музыкальной культуры. – Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2014. – С. 84–93.
8. Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / В. Михайлин. – М.: НЛЮ, 2005. – 528 с.
9. Мифология. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. Е. Мелетинский]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
10. Пахсарьян Н. «Свет» и «тени» пасторали в новое время: пастораль и меланхолия / Н. Пахсарьян // Пасторали над бездной: [сб. науч. труд.]. – М.: Таганка, 2004. – С. 3–10.
11. Саськова Т. Синтез искусств в идиллии Ю. Верховского «Хлоя покинутая. Вариации» / Т. Саськова // Вестник Университета российской академии образования. – 2014. – № 2. – С. 41–48.
12. Старобинский Ж. Чернила меланхолии / Ж. Старобинский; пер. с франц., предисл. и общ. ред. С. Зенкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.
13. Степанов Ю. Выдающийся поэт Андрей Ширяев: [предисловие к изданию] / Ю. Степанов // Ширяев А. Случайный ангел. – М.: Издательство Евгения Степанова, 2016. – 60 с.
14. Топоров В. Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник (внутренний и внешний контексты) / В. Топоров // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. – Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – С. 438–446.

15. Цивьян Т. Музыкальные инструменты как источник мифологической реконструкции / Т. Цивьян // Язык : тема и вариации : избранное : в 2 кн. – Кн. 2. : Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. – М. : Наука, 2008. – С. 24–38.
16. Ширяев А. «Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...» / А. Ширяев // Мастер зеркал – поэзия и проза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.shiryaev.com/chetyre-fleity-v-ryad/>.
17. Юханнисон К. История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / К. Юханнисон ; пер. со швед. И. Матыциной. – М. : НЛЮ, 2011. – 320 с.

Анотація

С. ФОКИНА. ДІОНІСІЙСЬКИЙ КОНТЕКСТ ПАСТОРАЛЬНИХ І МЕЛАНХОЛІЙНИХ МОТИВІВ У ЛІРИЦІ А. ШИРЯЄВА

У статті осмислюється поняття «пасторальність» та його взаємозв'язки з кодами меланхолії. Розглянуто специфіка пасторального метасюжету, його діонісійський контекст та його висока міра інтерпретаційного потенціалу у вірші А. Ширяєва «Чотири флейти в ряд та скрипочка в мініорі...».

Ключові слова: діонісійський контекст, пасторальний метасюжет, меланхолия, екстаз, флейта, скрипка, музичні коди.

Аннотация

С. ФОКИНА. ДИОНИСИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПАСТОРАЛЬНЫХ И МЕЛАНХОЛИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ А. ШИРЯЕВА

В статье осмыслено понятие «пасторальность» и его взаимосвязи с кодами меланхолии. Рассмотрена специфика пасторального метасюжета, его дионисийский контекст и его высокая степень интерпретационного потенциала в стихотворении А. Ширяева «Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...».

Ключевые слова: дионисийский контекст, пасторальный метасюжет, меланхолия, экстаз, флейта, скрипка, музыкальные коды.

Summary

S. FOKYNA. DIONYSIAN CONTEXT OF PASTORAL AND MELANCHOLIC MOTIVES IN A. SHIRYAEV'S LYRICS

In the article the attention is concentrated on the comprehension of a concept of pastorality and its interrelations with melancholy codes. It is considered the specifics of a pastoral metaplot, its Dionysian context and its high degree of interpretative potential in the poem "Four Flutes in a Row and the Violin in a Minor ..." by A. Shiryaev.

Key words: Dionysian context, pastoral metaplot, melancholy, ecstasy, flute, violin, musical codes.